

А. В.
АМОИТЕАТРОВ

Амфитеатров А. В. Мертвые боги: Рассказы. Роман М.: Современник, 1991.-- (Из наследия). // ISBN: 5-270-01012-7 FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 2.2 UUID: FBD-14C282-BC92-9C43-EF97-BA3A-759C-70E96F PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Валентинович Амфитеатров

Скиталец (Мифы жизни (1911))

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатровым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Из раздела «Горные письма»

Содержание

#1	0005
Примечания	0018

Скиталец

Я уже верст пять прошел в сторону от Военно-Грузинской дороги, легко подымаясь вверх по течению Чубурике, незначительного притока Арагвы. Это прелестная речонка: вода в ней светлая, как хрусталь, очень холодная и мчится по ущелью с головокружительной быстротой; белая пена кусками оседает на громадных камнях, порогами низводящих русло к устью: на этих порогах Чубурике ревет, словно каждая капля ее несет в себе чью-то глубоко возмущенную и громко негодующую душу. Войдешь в воду — едва можно устоять на дне: ледяная струя так и валит с ног.

Продираясь сквозь прибрежные орешники, я набрел на узкую тропинку: она змейкой вилась вверх по правой стене ущелья Чубурике; я пошел по ней и вскоре очутился на каменной проезжей дороге, когда-то недурной, теперь совершенно заброшенной, местами разрушенной дождевыми потоками, закиданной камнями мелких обвалов и оползней. Я брел по этому мертвому пути с полчаса, не встретив ни живой души, не имея у кого спросить: садарис кза?.. (куда дорога?). Нако-

нец с досадой решил остановиться и улечься на отдых под тень какого-то куста, наклонившего ко мне кисти совсем еще зеленых, узких и мелких ягод. На этом месте застал меня человек, весьма странно одетый по здешним местам. На Военно-Грузинской дороге, при фургоне, еще куда ни шло встретить такую фигуру, но в горах уже совсем необыкновенно. Высокие сапоги, штаны в голенища, какая-то желтая куртка вроде кителя, парусинный картуз, ранец за плечами. Фигура поклонилась:

— Русские будете?..

— Да, русский.

— Присесть к вам позволите?

— Пожалуйста.

Фигура расположилась рядом со мной. По рыжей бороде, носу картошкой и ласковым голубым глазам, а главное, по певучему «аканью» в речи я сразу узнал в пришельце своего брата москвича.

— Откуда и куда идете? — спросил я.

— Издалека, господин... Про Каракуль слышали?

— Позвольте, это... в Семиречинской обла-

сти?..

— Теперь он Пржевальском называется, с той поры, как Николая Михайловича Пржевальского там похоронили...

— Да ведь это ужасная даль. Каким же способом вы путешествовали оттуда?

— По образу пешего хождения, а потом до Узун-Ада по чугунке. Через Аму-Дарью чугунка идет. Чудная речка! Инженеры ее мостом прикроют, — вот какой мостище вытянут, не хуже Сызранского на Волге... видали? — а она возьмет да песками и перекатит выше... Инженеры ее опять мостом хлоп, а она от них опять в сторону верть!.. Потом в Баку на пароходе. От Тифлиса опять пешком...

— Что же вы делали в Каракуле?

— Как вам сказать?.. Я туда так пошел, без надобности... На Арале был, оттуда недалеко... Поклонился могилке Николая Михайловича, да и ушел.

— Вы знали его, что ли?

— Пржевальского-то? Знал малость. В Питере, когда он собирался в последнюю экспедицию, я просился к нему... Не взял. Богатырь был мужчина, большого характера госпо-

дин... Не взял он меня больше потому, что я к вину привержен: так не пью, а по временам на меня запой находит... бесчувственно пью, ни к какому делу тогда не пригоден. А то сам говорил: «Кабы не твоя слабость, я, Сергей Иванович, с тобой не расстался бы, — ишь у тебя лапы какие: медведя задушишь, да и ходок». Точно что в экспедиции я ему пользу мог оказать. А странствие, господин, я возлюбил сызмалу... Я из мещан. Тятенька мой и посейчас имеет питейный под Подольском. Так я мальчишкой — щенком белогубым — убегу, бывало, на ближнее село, Дубровинцами называется. Место чудеснейшее: гора, река Пахра, лес столетний: лягу на обрыве, да так и лежу весь день, смотрю, как кругом прекрасно, и такая-то мне тоска: в даль меня так и тянет, так и тянет! Немало меня тятенька порол, а охоты не выбил... Я что вам, господин, скажу! — засмеялся Сергей Иванович, — я от невесты убёг!

— Как так?

— Очень просто. Сговорили меня с девушкой, хотя крестьянскою, но хорошего двора, с зажитком. И я ей полюбился, и она мне тоже

ничего показалась. После Петровок собирались свадьбу играть. Только на неделе пред Петровым днем и зайди к ним странник — пробирался от соловецких угодников к киевским чудотворцам... Как порассказал он мне про свою путину — батюшки! что со мной сделалось!.. Лег спать... не могу: пред глазами золотые маковки, река большая, синяя... Жив быть не хочу — хочу Киев видеть! Что ж бы вы думали, господин? До утра я проворочался с боку на бок, глаза не сомкнул, а как свет показался, я с этим самым странником взял да и ушел, никому не сказавшись... С тех пор и началось мое бродяжничество... Из Киева-то меня домой этапным порядком... беспаспортного. Батюшка со стены вожжи снял, учил-учил, инда со спины вся шкура слезла... Спрашиваю: «А что моя Варька?» — «Как же, — говорит, — станет она тебя, беспутного, дожидаться! за лавочника пошла». Что же! не судьба, значит, — давай ей Бог счастья!

— А не мало, надо полагать, вы видали на своем веку?

— Привел-таки Господь. Здесь, на Кавказе, я всякую тропку знаю. По всем аулам у меня

приятели. Еще здесь не так, а вот как Гудаур [1] перемахну, пойду Хевским ущельем, в Гудашаури [2] заверну, на Сионе [3] остановлюсь, — там меня Боже мой как любят! Чудной народ! бедны — аж смотреть жалко, земля, кроме ячменя, ничего не родит, лета нет, за дровами в Капкой [4] за шестьдесят верст с одной арбой ездят... Это вы рассудите только, господин: шестьдесят верст — день, назад — другой, скотина мореная, у самого брюхо от голодухи подтянуло, потому, кроме чурека, он другой пищи по неделям не видит, а дровишек привезет охапку, на четыре топки, больше не осилить карманом за один покуп. Скудный народ! А добрый! — придешь к какому из ихнего брата — рад: чурек положит, мацони [5] поставит, вина раздобудет, пожалуй, и барана заколет... душу заложит, а угостит!.. Я, как в Сионе к Михо — охотник, кунак мой — заверну, так и говорю: уговор, Михо, — вино твое, баран мой... Что их разорять! помилуйте!.. Довольно их беки душат: жирные черти, из духана не выходят...

— Куда же вы теперь пробираетесь?

— На Яик хочу пройти. Аккурат к осенним

ловлям там буду...

— Вы бывали там раньше?

— Бывал. Хороший народ. Насчет табаку только строги, а то ничего, не гнушаются нашим братом... Другие старообрядцы есть такие, что компанию с тобой водить водят, но все-таки за стол с тобой не сядут, а коли сядут, так свою посуду поставят: когда же я жил у казака, на Урале, то мы из одного стаканчика водку пили. Но курева не любил; чуть увидит, что курю, не то что в горнице, а хоть во дворе, на заваленке, — сейчас заругается. «Ты, говорит, Москва, чем небо коптить, шел бы лучше в горницу, да мы бы с тобой по чернушке выпили, благословясь»...

— Я думаю, в ваших странствиях вы имели немало приключений?

— То есть как это?

— Ну... например, нападали на вас разбойники, дикие звери?

— Мало... Злодей на меня с оглядкой лезть должен, вид у меня, как сами изволите заметить, сурьезный. Однако бывало. Давно, лет пятнадцать тому назад, верстах в двадцати пяти от Капкая, заарканили меня ингуши.

Обобрали. Денег на мне нашли двадцать пять копеек. Рассердились. «Сказывай, что ты за человек!» Говорю им по-татарски: «Известно какой. У вас Бог, у меня Бог, все мы Его дети». — «Мы тебя не отпустим: на тебе сапоги хорошие... у тебя в городе деньги есть! посылай в город за деньгами — жив будешь, а не то — горло резать будем». — «Денег у меня нет, — говорю я, — а горло резать ваша воля...» Однако резать меня они не захотели, а выдумали такую штуку: разложили навзничь, один сел на грудь, другой на ноги, а третий настругал тонких колышков, да и ну шашкой забивать их мне под ногти... Боль, скажу вам, нестерпимая — однако я молчал... три пальца мне разбойники испортили на левой ноге!

— Как же вы избавились?

— Из ихних один вступился... жалко, что ли, ему стало меня; молодой такой мальчишка!.. Уж если, говорит, этот человек муку терпит и про деньги молчит, должно быть, и впрямь их у него нет!.. Отпустим его... он хороший человек, по-нашему умеет, про Бога говорит. Долго спорили, однако отпустили.

«Только, — говорят, — смотри, начальству на нас не доказывай». — «А что мне доказывать? Ступайте с Богом!» Сели на конь, гикнули и уехали; сапогов, однако, не отдали. Я колышки из-под ногтей повыдергал, пролежал ночь в кустах, чтобы нога отошла, да потихоньку на другой день поплелся дальше: в Екатеринодар мне было нужно...

— И вы не жаловались?

— Зачем же-с? Ведь их бы все равно не поймали, а если б и поймали, лучше разве стало бы мне от того, что их в тюрьму посадили? Большого вреда ведь они мне не нанесли, отца с матерью не лишили. Надо рассуждение и жалость иметь: эти горцы народ необразованный, воздух любят... иной на воле богатырь богатырем, а взаперти его через две недели и не узнаешь: муха крылом перешибет! Тюрьма ест ихнего брата. Я в Ставрополе арестантика одного навещал, татарина — кунак мой, хороший человек — так, по глупости попал: конокрада убил, да чем бы его, как водится, в балку куда-нибудь, в степь стащить, сам пошел и объявился по начальству. Так верите ли: на глазах моих истаял... Сидит жел-

тый, худой — одни глаза. «Скучно, — говорит, — кунак, горы не видать, солнца нет»... А подковы ломал!..

— Ну, а звери?

— От зверя меня Господь хранил Своим промыслом даже до чрезвычайности. Я в Ферганской области джюль-барса вот так, как вас, видел... Сытый, что ли, был, — прошел мимо меня в камыши через дорогу и не поглядел, не то что не тронул.

— Джюль-барс — это тигр?

— Точно так, большой зверь-с. Мне со страстей он показался с доброго быка. А ступает тихо, словно кошка... Кисточки на ушах.

— Как кисточки?

— Так, торчат вверх беловатые пучочки волос. Мне эти кисточки очень запомнились. Когда он, джюль-барс, вышел предо мной на дорогу из балки, я обомлел. Смотрю на него и не о том помышляю, что сейчас он начнет меня свежевать, а думаю: «Ишь уши-то... с кисточками!» Право-с! Такая глупость. Испугался, известно, — одурел.

— Скажите, пожалуйста, чем же вы живете?

— Да ведь я не все же без дела хожу. Вы не смотрите, что я праздный человек: я людям собой не скучаю... На Кубани в косцы нанимаюсь, на Урале на промысел становлюсь, в прошлом году нанялся в Волини у поляка лес валить, однако не стерпел, ушел.

— Что так?

— Вы, господин, смеяться станете: жалко сделалось! Лесище там... Господи! таких я до того и не видывал! Стволины — во: прямо в мачту теши! Макушки выше облака ходячего. На небе солнце, полдень, в поле жара, а низом по лесу идешь — что твои сумерки, и прохладно. Жалко стало: плачет дерево под топором — так руки сами и опускаются... Да, впрочем, я нигде подолгу не засиживаюсь. Водка меня губит, господин!

Сергей Иванович вздохнул.

— Вот, покуда идешь, все равно: хоть бы ее и не было, проклятой!.. А сел на место — глядь, недели через две и засосало. Ну, конечно, сразу не поддаюсь: мучусь, зверем гляжу, кабак за версту обхожу... а выпил, и пошла писать недели на две, пока наг и бос не останусь. Очувствуюсь, и сейчас же станет мне

противно, как это я себя осрамил и характера не выдержал... тут я поскорее в дорогу ударюсь, потому что, если останусь, непременно со стыда опять запью! Прежде я все по святым местам ходил, просил угодников избавить меня от пьяного беса, да не помогло, по грехам моим...

Сергей Иванович встал еще с более глубоким вздохом.

— Однако прощайте, господин. Мне надо до вечера в Койшауры дошагать. И то я с пути свернул; тут в горах есть деревушка, сопели по-ихнему, а имя ей Чквени, — заходил туда проведать приятеля... Пять лет не видал, хороший грузин!.. А в Койшаурах другой приятель ждет — тоже прекрасный человек! Прощенья просим. Благодарствуйте за компанию!

Скиталец скрылся за поворотом ущелья, а я смотрел ему вслед и думал:

Каких только людей не родит русская почва и в какие углы не забрасывает и не прививает их! Не любит сидеть на месте русский человек; все-то тянет его от своего места, от насиженного, теплого гнезда в неведомый

край, под чужое небо, к чужим людям, в чужедальнюю сторонку... И хоть бы добра ждал от нее, а то ведь сам же поет в песне:

*Чужедальня сторона —
Полынь горькая трава!*

Мы создали исключительно русский тип «Ивана, не помнящего родства», секты «бегунов» и «шатунов»; страницы истории нашей пестрят ушкуйники, низовая вольница, казачество; народное творчество наше страстно тоскует с царевичем Иосафом по «прекрасной матери-пустыни», а величайшие русские поэты провели полжизни — кто на чужбине, кто, в буквальном смысле, «бродя за кибиткой кочевой». Вот уж подлинно: «Скитальцы и странники мы в сей жизни!»

Примечания

Рассказ был включен в сб. «Сон и явь» (раздел «Пассанаур»), «Красивые сказки» (раздел «Закавказье»), «Мифы жизни» (раздел «Горные письма»).

Печатается по изд.: Амфитеатров А. В. Мифы жизни // Собр. соч.: Спб., 1911. Т. 10.

Пржевальский Н. М. (1839–1888) — русский путешественник, исследователь Центральной Азии, похоронен недалеко от озера Иссык-Куль.

Яик — старое название реки Урал.

...с царевичем Иосафом по «прекрасной матери-пустыне»... — имеются в виду духовные стихи, особенно широко распространенные в среде раскольников.

...«бродя за кибиткой кочевой». — Искаженная цитата из «Песни цыганки» («Мой костер в тумане светит...») Я. П. Полонского, ставшей популярным романсом.

Примечания

Перевал через Большой Кавказский хребет на полпути из Тифлиса во Владикавказ. (Прим. автора.)

[^^^]

2

Селения в Хевском ущелье.

[^^^]

3

Сион, с церковью XI века, построено царицей Тамарой, считается селением священным. (Прим. автора.)

[^^^]

Владикавказ. (Прим. автора.)

[^^^]

5

Чурек — хлебная или ячменная лепешка, мацони — кислое молоко. (Прим. автора.)

[^^^]